

УДК 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582

**Советско-монгольская комплексная
историко-культурная экспедиция: 1969 год
(к 50-летию советско-монгольских
академических экспедиций)**

Дневник этнографического отряда
(продолжение: 27 сентября–26 октября)¹

*Наталья Львовна Жуковская*¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения монгольских народов. В работе публикуется дневник, который автор вела в период работы в Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Работа экспедиции началась в 1969 г., в дневнике освещаются события периода с 27 сентября по 26 октября 1969 г. Публикуемые материалы содержат сведения о повседневности полевой экспедиции, об особенностях жилища монголов, их быта, обрядности, а также о приметах.

Ключевые слова: Монголия, Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция, 1969 год, дневник

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября–26 октября). Монголоведение. 2019; (3): 564-582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582.

---

¹ Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» (2018. № 3; 2019. № 1, 2) [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б].

UDC 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582

**The Soviet-Mongolian Comprehensive
History and Culture Research Expedition: 1969
(Celebrating the 50th Anniversary
of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)**

Diary of the Ethnography Research Team
(Continuance: 27 September–26 October)

*Natalia L. Zhukovskaya*¹

¹ Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies

ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Abstract. *Goals.* The article introduces into scientific discourse materials dealing with the history of ethnography research of Mongolic peoples. The work publishes a diary kept by the author during the Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition. The expedition began its work in 1969, and the diary covers the events of 27 September to 26 October 1969. The introduced materials contain data about everyday activities of the field research expedition, describe specific features of the Mongolian dwelling, local household traditions, rites and superstitions.

Keywords: Mongolia, Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition, 1969, diary

For citation: Zhukovskaya N.L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: 27 September – 26 October). *Mongolian Studies*. 2019; (3): 564-582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582.

27 сентября. Хулэн-Буйр. Восточный аймак, правый берег Керулена, 120 км от Чойбалсана. Население: шинэ-барга, прибывшие в 1945 г. из Внутренней Монголии; халха из разных частей Восточного аймака. С утра Бадамхатан и я отправились к информатору, бывшему ламе, баргуту. Однако у него в этот день происходило переселение из летника (небольшой избушки из деревянных досок) в юрту, утепленную по-зимнему. Он просил прийти завтра. Хулэн-Буйр — это сборное название. Барга, прибывшие сюда во

Внутренней Монголии, жили между озерами Хулэн и Буйр-Нур. Данное место является соединением этих названий. Информатор — мастер по изготовлению деревянных колес для повозок (с деревянным ободом и деревянной сердцевиной, закрепляемой деревянными же втулками).

Вечером с Цэрэннадмид зашли к двум старикам: оба из баргутов, живущих в Хулэн-Буйре; здесь живут представители родов галзут, харсуд, хувдут. Информатору 76 лет, он из рода галзут, из тех баргутов, кто в 1945 г. приехал в эти места из Внутренней Монголии. Имя первого Норов. Информатор живет один, в маленькой юрте, волосы заплетает в косу, что сейчас в Монголии редкость. Хошун Шинэ-цагаан — место, из которого прибыл второй информатор Барча, род галзут. В этой местности был монастырь Дун, который был построен в 1949 г. Его закрыли в 1959 г. Все ламы этого монастыря переехали в Гандан, единственный ныне действующий монастырь в МНР. Это был баргутский монастырь, привезенный баргутами из Внутренней Монголии. Нового *обо* при монастыре они не строили, здесь было старое *обо*.

В сомоне Хулэн-Буйр живут представители следующих родов: еншибу, шарад, озон, сехер, авугсуд, улият, жорон, харган, галзут, хагсуд. Все эти роды раньше жили в 4-х сомонах, 17 хошунах. Вместе с бурятским будет 18 хошунов. Узумчины имели отдельно 49 хошунов. Главное обо местного хошуна называется Баин-уул. После 1945 г. там больше не было молений. Спросила, слышали ли они про кибитку Чингис-хана, которую привезли с собой узумчины. Ответ: нет, не слышали. Про местечко Эджен-хоро, где отмечался ежегодно культ Чингис-хана, они тоже ничего не слышали. Слово Эджен-хоро их вообще удивило (взамен предлагалось почему-то Дуинхор).

28 сентября. Утром я и Бадамхатан пошли к информатору-ламе, который вчера из-за переезда из летника в зимник не смог нас принять. Его не оказалось на месте. Работы по переезду были в самом разгаре. Вокруг лежали войлоки, внешние покрытия для юрт, уни и пр. Различные предметы сушились на повозках. Вокруг стояло довольно большое количество двухколесных повозок с деревянными колесами, изготовленными хозяином этого дома. Колесо целиком деревянное: спицы, обод, центральная часть, куда встав-

ляются спицы, втулки, клинья. Спиц — 18, они радиальные, а не сквозные. Обод состоит из 2-х частей, которые скрепляются друг с другом посредством вставления зауженной части одной половины в отверстие другой. В центральное отверстие оси вставляется втулка (также деревянная), в которую вбиваются деревянные клинья-гвозди, чтобы она держалась и не вылетала при езде. Более поздний вариант такого колеса: обод обтягивается резиной, а сверху на резину накладывается железный обруч. Еще более позднее колесо — железное с двумя рядами спиц по оси, но один ряд — по ободу. Всего спиц также 18 (в таком колесе все железное: спицы, обод, ось, втулки уже нет). Тут же возле юрты стояла маленькая тележка с маленьким колесом ($d=50$ см), обитым железом. Диаметр большого колеса от 1 м до 1,80 м (возможны и иные варианты).

Тут же рядом группа семей делала кирпичи для печей в юрты на зиму. Кирпич делался из земли и воды без всякого цементирующего состава, закладывался в формочки, а оттуда вываливался сушиться прямо на солнце. Рядом стояли штабели уже высушенных кирпичей. Занимались этим восемь человек. Печи, сложенные из такого кирпича, действуют до 10 лет, но их обычно меняют года через три. Маленькая юрта хозяина-баргута конструктивно ничем не отличается от обычных халхаских юрт. Те же формы крепления стен, уней, дымового отверстия. В последнем имеется стеклянное окошко, купленное хозяином у бурят (так что в целом для баргутских юрт это явление не типичное), дымовое отверстие держится на одной вертикальной стоящей опоре — для маленькой юрты этого вполне достаточно.

Во второй половине дня пошли на главное хошунное обо. Это самая высокая гора из окрестных — 5 км от сомона на юг (одно из ее названий Их-уул, другое — Баян-обо). На северном склоне горы, не доходя до вершины, среди естественного скопления камней мы обнаружили около двух десятков книг в слипшемся размокшем, заплесневелом состоянии. Тут же валялись жертвенные чашечки, ритуальный кинжал пхурбу, ящик с набором трав. Бадамхатан считает, что после смерти какого-то местного знахаря все это было доставлено сюда его родственниками. Поднявшись вверх по склону на главную вершину горы, мы вышли к обо — бывшему главному хошунному обо этого хошуна — Саруул-гун хошун. Обо имеет

центральную и 12 небольших каменных куч вокруг. Но все это в заброшенном виде. Свежих следов почитания нет. Стоит курильница — небольшая, резная, бронзовая. По бокам 6 из 8 буддийских драгоценностей из традиционного алтарного набора. Крышка с поломанной ручкой. На крышке рельеф в виде буддийской молитвы *ом мани падме хум*.

29 сентября. Утром опять пошли к информатору-ламе. На этот раз он помогал печнику в собственной юрте складывать печь. Беседа опять не состоялась. Вечером ребята — Жанлав, Лубсан, Цэрэннадмид, Бадамхатан — взялись готовить борцоги. Для этого был желателен такой набор продуктов: масло сливочное — 0,5 кг, мука — 3 кг, сахар — 0,5 кг. Желательно было бы на это количество муки еще 5 яиц и еще 1 кг масла сливочного. Затем тесто раскатывается в лепешку, режется на небольшие кусочки, которым придается разнообразная форма. Все это кипятится в масле несколькими порциями, по 15 минут каждая. Масло — это растопленный коровий жир, может быть и бараний жир, и подсолнечное масло. Одна из фигурок борцогов делается в виде змеи, свернувшейся кольцом. Ее первой бросают в котел с кипящим маслом: считается, что она впитывает в себя весь яд, содержащийся в масле. Ее не едят, а бросают в огонь и сжигают. А вот Цэрэннадмид ее съела, не испугалась.

30 сентября. Днем я и Бадамхатан ходили на обо (третье по счету, расположенное вокруг сомона Хулэн-Буйр) примерно в 6 километрах на юго-запад от сомона. Обо представляет собой небольшую кучу камней плюс шесть еще более маленьких вокруг, никаких предметов, монет, курильниц, денег — ничего нет. От этой горы к юго-западу в километрах двух возвышается еще одна гора с обо. Так что с юга идет целый пояс гор, увенчанных обо. Практически каждая из этих гор имеет хоть какое-нибудь обо. Вечером ребята делали хушуры. Угощали нас ими. Вслед за хушурами был испечен бин (китайский вариант блина) на масле, слоеный, из теста без сахара!

1 октября. Ходила по сомону, знакомилась с его общим видом. Жилая часть — юрты, вытянутые с востока на запад со входом-выходом на юг, стоят двумя параллельными рядами. Третьим, с северной стороны, рядом тянутся административные постройки. Дэлгур (магазин), выставочный зал с достижениями полеводче-

ской бригады, столовая, гостиница, детсад, ясли, больница, почта, правление сомона и сомонного комитета партии, школа (старое здание и территория с трибуной и мачтой с флагом), рядом строится новая школа — заложен кирпичный фундамент. В сомоне есть клуб, баня, электрический движок (часы работы — с 20 до 23 час.), автомеханическая мастерская, стадион, молочный завод («Холэн-буйр сум суутасны завод») с несколькими подсобными помещениями, с заготовленными бочками для будущих продуктов. Позднее оказалось, что бочки предназначены для масла. Завод пока бездействует, хотя следы работы, которая здесь велась, уже есть: на дне ямы-отстойника белая лужа — отходы от молока. Тут же сушатся грибы и арул (обычный и сладкий)

Вечером с Цэрэннадмид ходили в семью местного врача за молоком. Хозяйка работает в сомоне, ее сын — учитель в Халх-голе в школе, невестка учится в Одессе на инженера. Внук Зоригто — 2 года, бабушка и дедушка. Получили пол-литра сырого молока и отправились домой кипятить. Узнали такую деталь: похоронный обряд барга предусматривает белую одежду для родственников умершего. Дети и невестка по умершим родителям носят траур 100 дней, родители по детям — 49 дней.

2 октября. Утром я и Бадамхатан пошли в сенокосную бригаду — три км на юг от сомона. По дороге пытались найти потерянную мною несколько дней назад варежку. Попутно выясняется, что найти варежку — это хорошая примета, предвещает обильную и полную жизнь. Поэтому найденную варежку обычно прячут в сундук и хранят бережно. Плохая примета — это найти на дороге кнут или треугольную палку для стреноживания коня — примета означает пути и битье для человека (как и для коня). Если человеку понравится кнут и он решит взять его себе, то он должен нарисовать его подобие на земле, что означает то, что кнут, который он взял — это его, а тот, который лежал здесь, так тут и лежит. Так мне это объяснил Бадамхатан, неистощимый знаток всяких народных примет. Бригада выполнила свой план по поставке тарбаганов. Убито их пять тысяч. Тут же в бригаде в особом загоне находятся несколько десятков больных чесоткой верблюдов. Им делают уколы (какое-то венгерское средство) и мажут креолином. При нас началась подготовка к этой процедуре. Верблюды в загоне

сильно чешутся о деревянные столбы. Всю эту процедуру собирались совершить три взрослых и один ребенок. Вид у верблюдов очень жалкий, с некоторых уже почти слезла шерсть.

Зашли в юрту. Хозяйка — пожилая баргутка. Набилось несколько гостей — мужчин, с любопытством нас разглядывающих. Бадамхатан записал несколько диалектологических расхождений в языке барга и халха.

Лубсан записал около 200 слов — терминов, отличающихся в языке барга от языка халха. В основном это названия предметов быта, утвари, частей юрты. Юрта имела верхний круг (тооно) не фабричного вида, а сугубо местный, сделанный из одного ствола гибкого дерева, стянутого в месте соединения железной трубкой. Вечером с Цэрэннадмид опять ходили за молоком к вчерашним хозяевам.

3 октября. Днем ездили удить рыбу. Ничего не поймали. Вечером ходили в юрту врача местной больницы. Хозяйка просит сфотографировать внука и послать его фотографию его маме в Одессу. Получили очередную порцию молока — 0,5 л.

Самоназвание баргутов — бараг, от старых барга, т. е. переселенцев из Внутренней Монголии более раннего периода, они себя не отличают, от халха отличают себя главным образом по языку.

4 октября. Днем я, Лубсан и Цэрэннадмид взяли в юртах трех лошадей, хотя наездник из меня тот еще, и поехали на местное кладбище. Оно в 4-х км к юго-востоку от сомона. Осмотрели типы погребальных сооружений. Стандартный тип захоронения для всего Восточного аймака: ориентировка головой на запад, в изголовье стоит тумба с надписью, кто, когда родился и умер. На одной тумбе изображена звезда, на другой — самолет. Большинство — без всего. Около многих могил лисьи норы. В стену одной из них даже вмонтировался череп из разоренной лисами могилы. Сверху все могилы цементируются. Наиболее старые провалились, т. к. цементом не были покрыты. У барга: если умирают старые родители, то их дочь по ним траур не носит. Если она замужем и живет в семье мужа и умирает его отец, то по нему она траур носит 3 месяца. Траурная одежда — белая. Родственники умершего вырезают из белой материи кружок и пришивают его себе на шапки в знак траура. Считают, что этот обычай заимствован ими от китайцев.

Покойника выносят ногами вперед, так как и в юрту, и из юрты человек выходит сначала ногами, а потом головой. Похоронный обряд для всей Монголии имеет траурную белую одежду. Сроки ношения траура для всех групп также одинаковы — общеламаистские. Интересно проверить: 1) сторона, в которую головой кладут покойника — объяснение этого; 2) поза, которую покойнику придают; 3) какую поминальную еду варят; 4) одежда, какую на него одевают, а также головной убор.

По дороге на кладбище Цэрэннадмид рассказывала, что в трехмесячном возрасте ее забрала от родителей и усыновила семья брата отца, где не было детей. Она была единственным ребенком в этой семье. Когда ей было 14 лет, умер ее приемный отец, а через год от рака — приемная мать. Тогда она вернулась в семью своих настоящих родителей. До возвращения ее отчество было Цэгмидийн, а после возвращения она взяла имя своего родного отца Чолонгийн. Получая паспорт, она так и записалась. Вечером, возвращаясь с кладбища, встретили перекочевку, сфотографировали момент остановки и выпряжки первого верблюда. Приехав в сомон, вернули лошадей и пошли с Лубсаном и Цэрэннадмид в юрту к врачу. Врач еще не вернулся с охоты. Его жена угостила нас вареными внутренностями дзерена и колбасой из бараньей крови и кусочков сала. Потом мы фотографировали ее внука Зоригто на фоне юрты у бабушки на руках. По случаю фотографирования бабушка надела на него пальто, сшитое из шкурок тарбагана (на пальто для двухлетнего мальчика пошло 5 шкурок тарбагана). Хозяин ездит регулярно охотиться на волков. Хорошая обработанная шкура убитого волка принимается государством по цене 10 тугриков за шкуру, плохая по 7 тугриков. Совсем небольшая цена. А шуба из трех волчьих шкур, продававшаяся в магазине при гостинице «Улан-Батор», стоила 1500 тугриков, правда, и цена, и шуба были рассчитаны на иностранных покупателей.

5 октября. Сегодня пошли на самое дальнее из местных обо — в 10 км к юго-западу от сомона. Гора и местность вокруг нее называется Дэл (грива). Обо обычное, без каких-либо вещей и курильницы. Три небольшие кучи камней на западе, три — на востоке. Пили чай в юрте у подножия горы.

6 октября. С утра пошел снег, была сильная метель. Ну что же, октябрь по монгольскому народному календарю считается зимним месяцем. Ходили в юрту жены врача (она сама аптекарь), провели антропонимический опрос о значении разных имен и названий окружающих мест. Ели вареного дзерена, которого привез с охоты хозяин юрты — врач Адъяа. Вечером в местном клубе состоялся вечер в честь открытия месячника монголо-советской дружбы. Л. Л. Викторова выступила с приветственной речью. Был показан фильм «Крылья октября».

7 октября. Опять метель и холод. К середине дня прояснило. Ходили с Цэрэннадмид в юрту к баргутке бабушке Хишигт. Дед играл в соседней юрте в шахматы. Цэрэннадмид расспрашивала про родильные обряды, а я с удовольствием смотрела на то, как неразговорчивая поначалу бабушка втянулась в разговор и рассказывала о своей молодости, родах, детях и т. д.

9 октября. Цэвэлма, халха, род хорчит, 76 лет, живет одна, есть у нее одна дочь, вышедшая замуж и живущая тут же в сомоне. У нашей информаторши на столике в деревянной рамке стоят две непохожие друг на друга иконки с изображением Гови-лха. Оба изображения принадлежали еще ее родителям. Тут же стоят два гоу: одно с изображением божества — хозяйка называет его Дарьха. Но что там на самом деле, практически разглядеть невозможно. У другого гоу нет крышки и уже нет бурхана. Родом она из мест, расположенных по соседству, за Керуленом к северу. Главное обо ее мест — это здешнее Баян-уул. Сама бабушка там ни разу не была, т. к. женщинам ходить туда не разрешалось, даже если им не было 18 лет. Имя хозяина обо старушка не знает, но слышала, что это старик с бородой. Километрах в одиннадцати отсюда есть обо Баин-улзий. Женщин туда не пускали. Предание говорит, что на Баин-улзий отдыхал во время перекочевки Чингисхан.

Среди домашней утвари в юрте хранится мешок, сделанный из желудка овцы (хоний гузээ) — в нем хранится масло, и жир сквозь поры мешка не проходит. Когда овцу забивают, ее желудок вынимают, вычищают, надувают воздухом, завязывают. Так и хранят. На жертвенном столике хранится своеобразный подсвечник — *хорог*, железный, состоящий из четырех пластин, соединяющихся вместе, внутрь ставится лампадка. Оказалось, что наш информа-

тор знает, каких животных кому посвящали: корова — Белому старцу Цагаан овгон; пестрых лошадей посвящали Баян-уул, серых баранов с желтым носом — Гови-лха, красных верблюдов — Лхамо. *Улаан-тэмээ* — очень распространенный цвет у верблюда. Бабушка говорит, что здесь был баргутский монастырь, но она в него не ходила, т. к. вера баргутов отличается от веры халха. Сахьюс этого баргутского монастыря был Гомбо-Махагала.

Когда человек умирает, все выносятся из юрты, кроме того, на чем он лежит. Покойник лежит на кровати головой на запад. Если человек умер без одежды, то он без нее и остается. Если умер в одежде, то хоронят в ней. Раньше в белую ткань заворачивал покойника лама, а сейчас просто близкий человек. По случаю похорон никакого животного специально не забивают. По родителям носят траур 49 дней, по другим родственникам 21 день. Головой хоронят всегда на запад и только на запад. Сейчас на могилах часто встречается разбитая посуда. Раньше такого обычая не было, а теперь после похорон сразу ставят на могилу любимую чашку умершего с едой и оставляют там.

На кухонном столике среди прочей посуды стоит маленький медный чайник, полный молока. Когда кипятится первое утреннее молоко, ложкой его разбрызгивают по 4 сторонам в юрте, а одна ложка отливается в этот чайник. Из него же наливают молоко в жертвенную чашку. На жертвенном столике у бабушки стоит в деревянном окладе икона Гови-лха, за ней лежат несколько сутр: «Алтан-гэрэл» и др. Тут же стоят несколько *гоу* и маленьких жертвенных чашечек. У нее на шее как ожерелье висели четки «эрх». Спрашиваю, достались ли они ей от родителей или она их где-нибудь купила или получила от ламы. Отвечает, что эрх родительское она потеряла, а это нашла на дороге, когда искала пропавшую овцу.

Вечером ходили с Цэрэннадмид к местной учительнице Буянху, имевшей в своем личном хозяйстве баню, что в сельской Монголии большая редкость. Баня оказалась весьма достойным этнографическим объектом. На троих нам выдали три железные ванны, налив, в каждую по ведру горячей воды. Для мыться головы стояло по одному тазу на каждого. Ведер для слива грязной воды не предусмотрено. Мытье не предполагает никакой проточной воды.

10 октября. Уже две недели в сомоне идет перестройка на зимний лад. Внутри сомона происходит перекочевка юрт. С более открытых мест, продуваемых всеми ветрами (а сомон практически доступен всем ветрам, ибо только с юга его защищают горы, но и они невысоки) хозяева перекочевывают в места, где юрт много. Закономерности две: 1) с высоких мест в низкие; 2) юрты одиночные, стоявшие на отшибе, перекочевывают поближе к общей массе юрт. Уже все наши постоянные информаторы, у которых мы не раз бывали за время пребывания в сомоне, сменили места стоянки своих юрт. Однако принцип протяженности ряда юрт с востока на запад и вход- выход из юрты на юг соблюдаются в условиях зимы даже более строго. Снег, который выпал четыре дня назад, уже сошел. Кое-где лежат его остатки, тающие прямо на глазах. Возле каждой юрты склад зимнего оборудования, все оно перетряхивается, заново укладывается. Юрты утепляются, их обтягивают дополнительным количеством войлоков, как правило, обернутых в материю и простеганных, поверх них накидывается белое покрывало, сшитое по форме юрты с вырезанным по форме и величине верхним отверстием. Поверх всего этого по окружности юрты натягиваются крепко стягивающие ее кожаные веревки, закрепляющиеся с обеих сторон двери. Почти при каждой юрте хозяйственная постройка — небольшой деревянный домик из сколоченных досок, высотой едва-едва в человеческий рост. Там лежат ненужные старые кровати, войлоки, утварь, старые чугунные котлы и т. д. Тут же обычно возле юрты находятся несколько деревянных повозок, незаменимых при кочевке. Правда, здесь в Хулэн-Буйре мы несколько раз видели перекочевку на грузовиках (внутри сомона это намного проще). По соседству с каждой юртой находятся ее запасы топлива — *аргала*. От раздувания ветром они обычно огорожены небольшим забором: либо из прутьев, либо из старых ненужных решеток кроватей, иногда эти кучи бывают даже закиданы шкурами овец. Почти возле каждой юрты сушится какая-либо шкура: овцы, волка, тарбагана. Хозяева их выделывают сами. Снаружи на юртах сушится белье, на крыше располагаются деревянные ящики с сушущимся на солнце *арулом*. Виды еды в этих районах такие. Молочная: арул — сушеный творог, урюм — пенки, снятые с молока, часто пережаренные с мукой; *суутай цай* — чай с молоком; *суу* — кипяченое молоко,

тос — масло; тарак — простокваша. Мясные: *мах* — вареное мясо овцы, дзерена, тарбагана. Мясо варится в пресной воде. Когда его едят, то на стол перед едоками ставится чашка крепко посоленного бульона. От мяса ножами (нож дают каждому) отрезают куски мяса и макают в этот соленый бульон. Иногда на стол ставится квашенный лук *мангир*, он мелко нарезан и густо посыпан крупной солью. Суп-лапша домашнего приготовления с мясом, нарезанным мелкими кусочками. *Хошур* — пирожки типа чебуреков с мясом. Бузы — крупные пельмени, сваренные на пару. Мучные блюда: борцоги — жаренные в кипящем масле куски из теста различных форм. Бин — многослойный блин из пресного теста, жарится на сковородке. Так как в этих районах в сомонах сажают овощи, то последние тоже представлены в блюдах: в супы с лапшой и мясом добавляется то картошка, то капуста, то зеленый огородный лук.

Новинки в одежде: 1) авторучки прикрепляются к вороту дэли; 2) на голове мужчины носят пестрые женские косынки, махровые вьетнамские полотенца; 3) при отсутствии исторического различия между мужскими и женскими штанами на мужчинах часто встречаются женские трико и трусы, в которых они ходят по берегу реки в тёплое время без всякой прочей одежды.

Новинки в быту: бинокль (не целый, а половинка) для высматривания в степи потерявшегося скота, приемники, часы (часто их носят по несколько штук сразу, но время они показывают довольно редко).

11 октября. Начинаю писать отчет. Днем неожиданно приехал Эльбрус Дандар, журналист из Чойбалсана. Остался ночевать в нашей гостинице. Утром он уехал в Булган-сомон, отказавшись прихватить с собой в город нашего Лубсана (у него заболела мама, и ему срочно надо вернуться в Улан-Батор), потому что у него в машине (Газ-69) три пассажира и живой баран, и Лубсану в ней места нет. В 10 вечера проходящей почтовой машиной Лубсан все-таки смог уехать в Чойбалсан, а оттуда добраться до Улан-Батора.

12–13 октября. Пишу отчет. Вечером 13-го идем прощаться в юрту врача, где все время брали молоко. Со мной вместе пошли Бадамхатан, Цэрэннадмид, Жанлав, местная учительница Баинху. В честь нас устроили торжественный ужин, угостили бузами, вареной бараниной, архи. Произносились дружеские тосты и т. д. По

возвращении в гостиницу ребята еще полночи смеялись и что-то рассказывали.

14 октября. С утра идет дождь. Тепло. Сегодня, наконец, в путь — на сей раз в обратный. В 10 часов выезжаем в Чойбалсан. В 15 часов приезжаем. Устроились в гостинице, съездили в ОРС — русский магазин: никаких новинок, только мужские шляпы и те по особым пропускам.

15 октября. Сегодня наша машина заправляется, а мы наносим прощальные визиты. Зашла в музей к директору Гонгору. Он показал мне уже готовое чучело тайменя, которое скоро будет выставлено в музее. Мы с ним обменялись подарками, и я ушла. На улице встретила похоронную процессию, она медленно шла по направлению к кладбищу, играл оркестр. Подъехали машины с траурными транспарантами, и все стали садиться в них, я тоже села в машину и поехала вместе со всеми. На меня смотрели с любопытством, но никто ни о чем не спрашивал. Похороны были не на том кладбище, где мы были с водителем Мишей, а еще дальше, в 10 километрах на север от Чойбалсана. Кладбище совершенно новое: все могилы датированы 1968 и 1969 годами. Похоронная процессия подъехала к кладбищу на четырех машинах — открытых грузовиках: на трех были люди, на четвертой мешок с цементом и фляги с водой, совки и т. д. Очень много детей школьного возраста. Оказалось, хоронят учителя. Накануне здесь уже была вырыта могила и выложена внутри белым кирпичом, скрепленным цементом. Гроб поставили возле могилы головой на север. Сняли крышку, в гроб стали накладывать следующие вещи: еду (конфеты, пенки, арул, вафли), питье (положили коньячную бутылку, наполненную белой молочной водкой домашнего изготовления), сигареты и спички. Саму могилу в это время опрыскали также молочной водкой, посыпали туда ароматного сухого можжевельника, кинули на дно могилы все траурные повязки (красно-черные), которые были повязаны на руках приехавших участников церемонии. Потом была прочитана по бумажке какая-то речь, сыграл оркестр, и гроб погрузили в могилу. Потом его сверху заложили досками и стали покрывать раствором цемента. Когда все это было закончено, в изголовье зажгли две ароматных курительных свечи. Из мелких стекол и камней, которые набрали тут же на кладбище, выложили годы жизни

умершего. В цемент вставили две пиалы: первую с едой, вторую с молочной водкой. Потом оркестр сыграл траурную мелодию, а затем сразу перешел на какой-то веселый марш, под который присутствующие три раза обошли могилу по солнцу, после чего все стали садиться по машинам. На обратном пути в машине, где ехала я, царило уже отнюдь не похоронное оживление, смеялись дети, водитель быстро гнал машину и устроил целую свалку в кузове. Все падали друг на друга. Все машины подъехали к дому (юрте) умершего, и все пассажиры стали заходить во двор. Их поклонами встречали хозяева. На этом я ушла.

Вечером в комнате, где жили Бадамхатан, Миша и Жанлав и еще один парень — бурят, специалист по торговым стандартам, состоялась мощная пьянка. Как только выпивалась одна бутылка, тут же кто-нибудь отправлялся за следующей. Всего их 6-7 появились одна за другой. К вечеру перепившие буряты начали буяннить и их еле-еле выпроводили.

16 октября. Встали в 7 часов. Быстро поели и в путь на Улан-Батор. К вечеру доехали до Ундур-хана, проехав за день 313 км. Устроились в гостинице. Ребята пошли в кино, смотрели «Мой папа живет в Улан-Баторе» (монгольский фильм).

17 октября. С утра все пошли в местный музей. Он оказался на ремонте, а директор — в отпуске. В аймачном совете шло совещание. Во второй половине дня оно закончилось, и пришедший аймачный дарга дал Викторовой проводника к окрестным каменным бабам. Она и Миша уехали. Вернулись они в 5 часов, голодные, и мы поехали на Керулен делать обед. Вечером съездили в магазин при русском строй-тресте.

19 октября, воскресенье. Викторова, Миша и проводник уехали к очередным каменным бабам. Брожу по городу. Здесь большой мелькомбинат и элеватор. Он расширяется. Большая группа русских строительных рабочих. Ходила по магазинам города. Ассортимент товаров обычный для провинции, была в книжном магазине. Он довольно большой. Есть отдел русских книг. Купила книгу И. М. Майского «Монголия накануне революции». Полдня провела на берегу Керулена, наводя порядок в своих дневниковых записях. Никакого воскресного оживления возле реки не наблюдалось. Впрочем, это вполне понятно — уже холодно для купания,

а любителей рыбной ловли среди местного населения я пока не встречала. Вечером с Цэрэннадмид нашли назавтра двух проводников к обо Ундур-хан. В 9 часов вечера пошли с Бадамхатаном в клуб. Шел советский фильм «Человек в футляре». Подумали, подумали и решили пойти не в кино, а на танцы, которые бывают здесь в клубе по воскресеньям. Вход стоит два тугрика. Пробыли полчаса, как раз до закрытия. Народу много. Танцы под гармошку, есть пожилые люди и даже беременные. И все танцуют. Домой пришли в половине одиннадцатого.

20 октября. С утра едем на обо Ундур-хан. Это главное обо бывшего Цэцэнхановского аймака. Наши проводники халха Чойдор и Гонгор. По прямой до этого обо не больше 25 км, но едем в объезд по специальной машинной дороге, и получается все 50 км. Гора Ундур-хан-обо одна из самых высоких в округе, но окружная дорога идет по сравнительно пологим местам, нет резких подъемов, и машина идет спокойно. Мешают только камни, вывалившиеся на дорогу. Обо громадное. «Хозяин» обо — Ундур-хан. Проводники проявляли любопытство ко всему, что мы делали, а попутно зажгли курильницу, и из нее шел дымок в течение всего времени нашего пребывания там (около 40 минут). Наверху под основным кустом тальника два небольших камня с высеченным на них рельефом. На одном изображен будда Аюши — так определил его наш проводник. Другой оказался в плохом состоянии, и опознать изображение было невозможно. Центральная часть обо называется суншиг — то, куда закладываются бурханы и прочее и что заваливается камнями. К западу от той горы, где мы находились, км в 10 виднелась еще одна гора с весьма круглым обо — она называется Улзий-хангай, именно там первоначально находилось главное обо Цэцэнхановского аймака. Но в середине XIX в. нойон, правитель аймака, бывший в то же время главой представителей аймачной знати, перенес главное обо с той горы на эту. На обратном пути проехали мимо двух гор с обо на каждой — обе называются Баинмонх. Здесь находилось кладбище нойонов, и оба этих обо были только нойонские.

На обратном пути заехали в бригаду и пили кумыс в юрте, где уже третий день идет праздник в честь того, что хозяйева взяли себе приемную дочь — девочке всего два месяца, зовут ее Хишигтсам-

бу. Это значит, что девочка родилась в воскресенье. Пили кумыс, чай, ели зимние пенки, у них уже не тот вкус, что у летних, но жирные. Ели свежий сыр — бислэг. Очень вкусный, сделан из коровьего молока, но также он может быть из овечьего, верблюжьего, но не кобыльего.

21 октября. С утра двинулись в обратный путь на Улан-Батор. По дороге видели степной пожар: огня как такового не видеть, но зрелище превращающейся на глазах из коричневой сухой в черную травы очень впечатляло, тем более что происходило это в полуметре от дорожной колеи, по которой ехала наша машина. Ночевали в Налайхэ.

22 октября. В 9 утра выехали из Налайхэ. В 10 часов уже были в Улан-Баторе. Получили номер в гостинице «Улан-Батор». Весь день сдавали вещи на склад нашей экспедиции и благоустраивались.

23-25 октября. Последние дни перед отъездом в Москву. Дел немало. Закончила отчет о своей работе в течение полевого сезона. Каждый из сотрудников монгольской части этнографического отряда написал свой. Монгольский отчет остается в архиве Института истории АН МНР. Сводный отчет о работе всех отрядов советской части экспедиции должен храниться в архиве комиссии о научном сотрудничестве Академий наук СССР и МНР в Москве.

На базе геологической экспедиции (тоже совместной советско-монгольской) нам выделили небольшой склад. Туда свезли вещи всех отрядов: палатки, раскладушки, спальные мешки, кастрюли, сковородки, миски, ложки, 40-литровые фляги, в которых возили воду (чистая вода из артезианских колодцев у нас всегда была при себе, речной водой для приготовления еды и чая мы пользовались редко). Но сначала мы всё, что можно выстирать, выстирали и высушили, отскребли грязь со всех кастрюль и сковородок, раздали в знакомые монгольские семьи остатки продуктов. Потом склад был запечатан до следующего полевого сезона 1970 года.

В один из этих дней Бадамхатан преподнес мне незабываемый подарок, он пригласил меня в цирк. Это оказалось старое здание в виде большой деревянной юрты с небольшой ареной в центре. Номеров в программе было не очень много: ловкие акробаты, ловкие наездники, могучие силачи, поднимавшие себе на плечи чуть ме-

нее могучих силачей, а те в свою очередь еще меньших собратьев по цеху до тех пор, пока на вершине пяти- или шестиэтажной пирамиды не оказывался совсем малыш, но тоже с уже крутыми бицепсами. Все это было похоже на то, что можно увидеть и в нашем цирке. А потом случилось нечто, что я запомнила надолго. На арене поставили стол, стул, кровать. На столе поставили тарелку с куском мяса, положили вилку и нож. Кровать застелили одеялом. На арене появилась белая лошадь, она села на стул, придвинула к себе тарелку, взяла... хочется сказать, в руки нож и вилку и начала резать на тарелке мясо на куски, а потом, подцепив вилкой, их съела. Покончив с едой, она подошла к кровати, откинула одеяло, легла и натянула одеяло на себя. Через некоторое время встала и убежала за кулисы. Пока все это происходило, зрители вели себя тихо, как и я, не очень веря своим глазам. А потом весело зашумели, затопали, захлопали и стали расходиться, толкаясь в дверях (монголы мне не верили, когда я рассказывала им про этот цирковой номер, и всегда говорили, что такое «издевательство» над лошадью в их стране невозможно, что мне это привиделось, показалось и т. д. Но это было, было... И забыть это невозможно).

26 октября. Московская и ленинградская часть экспедиции почти в полном составе улетает в Москву. В Улан-Баторе пока остаются водители, которые должны законсервировать на зиму машины, оставить их на советской автобазе, где они будут стоять до следующего нашего приезда.

Примечания

Первые дни в Москве еще живу по улан-баторскому времени — все-таки пять часов разницы. Постоянно беру в руки свой дневник, перечитываю некоторые места, вспоминаю что-то, что не успела своевременно в него вписать. В тетрадь вложены несколько закладок и записок. Одни из них имеют научную ценность, другие — нет, но для меня они все — живая память о моей первой встрече с Монголией.

Заметки научные (не осталось пометок, у кого и где записаны).

1. Первая стрижка волос у детей и у баргутов, и у халха происходит в одни и те же детские годы: мальчика стригут в три года, девочку — в пять лет, срезанные волосы не выбрасывают, а со-

бирают в отдельный маленький мешочек и пришивают его к дэли ребенка на спине.

2. В старину в Монголии были две категории замужних женщин: *эhnэр* — когда мужчина выплачивал за женщину калым, *хухэн* — когда мужчина за женщину не выплачивал калым. И в том, и другом случае они жили вместе (во втором случае она могла жить отдельно), имели детей и общее хозяйство (во втором случае оно могло быть раздельным).

3. О мировом дереве. В шаманских обрядах и легендах, сохранившихся у населения Монголии, нет сведений о мировом дереве. Лишь у дархатов в обряде посвящения шамана, после того, как он начал камлать, фигурирует дерево (все эти сведения надо проверять и проверять, так как информаторы могут ошибаться).

Заметки забавные. У некоторых сотрудников экспедиции были любимые изречения, которые они пускали в ход, когда представлялся соответствующий случай.

– С. Н. Астахов, археолог: «Каждый начальник должен изредка бывать подчиненным».

– С. Г. Кляшторный, тюрколог: «Я все время кого-то жду и что-то таскаю — стало быть, я в экспедиции».

– С. Л. Троицкий, геолог в отряде А. П. Окладникова: «То ведают бояре, не нам чета» (это был постоянный ответ на вопрос, не знает ли он, когда мы должны ехать в то или иное место).

– Цэрэннадмид, студентка Монгольского государственного университета, лишь недавно приступила к изучению русского языка, и многие слова у нее составляли целый букет понятий: например, «балвк» — это флаг, булавка, плавки; «мишк» — это шофер Миша, мышь, медведь, мешок. Каждый раз выяснение того, что же на самом деле имелось в виду, доставляло нам много забавных минут.

Все это детали нашей экспедиционной жизни, и память их бережно хранит.

Литература

Жуковская 2018 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических

экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–13.

Жуковская 2019а — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 1. С. 116–133.

Жуковская 2019а — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 205–221.

References

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team. *Mongolian Studies*. 2018. No. 3. Pp. 4–13. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance). *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 116–133. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance: 15–23 September). *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 205–221. (In Russ.)